

КОЩЕЕВА АЛЁНА ИЛЬИНИЧНА

ИНТЕРВЬЮ

16+

Алёна Ильинична Кощеева

Интервью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66846348

SelfPub; 2022

Аннотация

Молодая журналистка берет интервью у всемирно известного художника, который пишет невероятно реалистичные, но очень ужасные по сюжетам картины. Она возвращается домой и понимает, что забыла заметки в его мастерской, а запись на диктофоне обрывается ещё в самом начале. Девушка возвращается к художнику, но не застаёт его на месте. Попав внутрь мастерской, она ещё не понимает, что выхода обратно нет...

Алёна Кошечева

Интервью

В бежевых лакированных туфлях на высоком каблуке в мастерскую известного художника робко вошла журналистка. Резкий аромат разбавителя и масляных красок окутал её с ног до головы. Черное строгое платье было в этой сокровищнице творений гениального художника чертовски неуместным. Девушка постучала по открытой двери, привлекая внимание хозяина.

– Да-да, проходите, – ответил суетливый, слегка хриплый голос.

Она сделала шаг и правым каблуком тут же провалилась в щель между двух деревянных досок старого пола. Застыв на месте, журналистка с любопытством огляделась. Несчетное количество картин делало пространство несоизмеримо малым, а ведь в комнатухе трёхметровые потолки!

– Добрый день, Валентин Евграфович, – девушка неловко улыбнулась и с боем достала туфлю из капкана.

– Вы, стало быть, Северина?

В центре мастерской стояло два стула со следами краски разных цветов на спинке. На одном из них, лицом к двери, сидел тот самый, трудноуловимый для прессы художник. В массивных очках с толстой оправой, с седой бородой-лопатой и серебристыми взъерошенными волосами он напоми-

нал безумного профессора.

– Можно просто Сева, – девушка протянула руку.

Вместо ответа на приветствие он указал на второй стул. Девушка провела по сиденью ладошкой и, убедившись, что платье останется чистым, присела на краешек.

– И вот он я, – мужчина артистично взмахнул руками, – король ужасов, сумасшедший творец, гений хоррора и как вы там ещё меня ещё любите называть в своих писульках?

Даже через линзы очков такой взгляд, каким Валентин Евграфович разглядывал гостью, завораживал, заставлял замереть. Казалось, что одно неловкое движение или слово и станешь героиней его новой картины, на которую невозможно будет смотреть без страха.

– Ну что вы, что вы? Испугались? – мужчина отклонился на спинку и дружелюбно расхохотался.

Аккомпанируя звонкому смеху под ним жалобно поскрипывал стул. Северина неловко улыбнулась и подняла голову. Блуждающий взгляд зацепился за два огромных кошачьих глаза на белом грунтованном холсте.

– Будто живые. Удивительно.

– Не живые, чего-то не хватает, – махнул художник рукой и вернулся к предмету встречи, – начнём?

– Да, да, – девушка завела пряди каштановых волос за уши, – Валентин Евграфович, я должна включить диктофон...

Каждый раз как впервые. Всегда неловко говорить о запи-

си разговора. Кажется, пора привыкнуть за три-то года работы, но нет. Сева достала из сумки устройство и вопросительно взглянула на художника. Мужчина молча кивнул.

– Валентин Евграфович, – она произносила отчество медленно, чтобы избежать оговорки, – вы сорок лет пишете картины в этой студии, вы уже художник мирового уровня, не хочется чего-то большего?

Девушка оглядела пространство. Пристальные кошачьи глаза, были мелочью в сравнении с другими полотнами. Посиневший одноногий мужчина болтает с маленькой девчушкой на ослепительно солнечной улице, а над ним возвышается огромная черная тень с красными глазами. Краски блестят в тусклом свете ламп, наверное, недавняя работа. За этим холстом стоит другой, частично открывая изображение – видна женская макушка со спутанными волосами, перемежающимися с зеленой тиной. Северина инстинктивно поёжилась и достала блокнот. В такой обстановке сложновато собраться с мыслями. Когда попадаешь в мастерскую творца, чувствуешь, что там происходит какое-то волшебство, но тут... Совершенно иное дело.

– Сева, не пугайтесь, это же картины, – сказал мужчина, – и, отвечая на Ваш вопрос, считаю, что каждый человек должен уметь довольствоваться малым, но стремиться к большему.

Девушке показалось, что каждое слово этого загадочного мастера кисти пронизано едкой насмешкой. Над её черным

платьем и лакированными туфлями, над профессией, над серьезным отношением к работе, над вопросами, которые она подготовила – надо всем, к чему она относится с трепетом и уважением.

– Считаете ли Вы себя свободным человеком? – спросила она, – И что в Вашем понимании «свобода»?

Художник закинул ногу на ногу настолько далеко, что тело приняло форму вопросительного знака, напоминая теперь неуверенного в себе начинающего музыканта. Он отвернулся в сторону. В огромных стеклах очков отражение очередной мрачной картины наложилось на глаза и выглядело это так естественно, будто всё это одно целое. Девушка сглотнула образовавшийся в горле комок. Валентин Евграфович повернулся к журналистке и однобоко усмехнулся:

– Хороший вопрос, Сева, интересный! – кажется, ему действительно нравилось поразмыслить над этим, – Я двадцать пять лет не давал интервью и думал, СМИ совсем деградировали, будут спрашивать сколько стоила самая дорогая картина, кто из знаменитостей покупал мои работы, а вы про свободу, ух!

Девушка, не отводя взгляда от художника, достала из сумки коротенький карандаш. Пока мужчина делился мыслями, она вычеркнула из подготовленного списка вопросов лишние. Всё-таки творческие люди – это больше не про деньги, а про смыслы.

Через полчаса непринуждённой беседы, Северина рассла-

билась, опустила плечи и даже искренне улыбалась. Она спросила все, что планировала и убрала блокнот за спину, пристроив его на оставшейся площади сиденья, чтобы не мешал. Шелковистые каштановые волосы, как маленькие змейки, задорно переползали из-за спины через плечи.

– А вам тут света достаточно? – спросила девушка, поглядывая на окно.

Говорят, для художников крайне важно естественное освещение, но здесь, в мастерской Валентина Евграфовича окно расположено высоко, а за ним виднеется стена соседнего дома. Деревянные рамы скорее напоминали решетку, чем путь на волю.

Мужчина было открыл рот и собрался ответить, но в глубине комнаты раздался противный скрежет, словно открылась старая калитка из фильма ужасов, чтобы впустить в мир чудовищ, которых художник изображает на своих полотнах. Он медленно повернул голову и нахмурился.

– Света хватает, Северина, извините, мне пора работать, – Валентин Евграфович встал.

Он суетно помахал рукой в сторону двери и снова превратился из дружелюбного философа в безумного ученого. Северина медленно поднялась, повернувшись так, чтобы увидеть, что являлось источником звука. Однако огромный, почти под самый потолок, шкаф, не оставляя шансов что-то разглядеть и она, мягко ступая на носки, чтобы не провалиться каблуками в старые доски пола, пошла к выходу.

– Но всё же..., – девушка искоса пыталась заглянуть в скрытый от глаз угол, – ваши картины настолько реальны, что, кажется, вы их писали с натуры, но...

– Да, я пишу с натуры, – перебил художник.

– Но ведь этих ситуаций не может быть в реальности? – изумилась она, вздёрнув тоненькие подрисованные брови.

– Да, не может быть.

– Я не понимаю, – растерянно пошевелила она губами и заметила, что уже стоит в коридоре коммуналки.

Художник помахал рукой и с громким хлопком закрыл дверь прямо у неё перед носом.

«Диктофон для сверки, статья должна быть написана по твоим записям» – всегда говорил начальник. Северина, в мягких тапочках-зайчиках с белыми ушками, в домашних штанах, с гулькой на макушке и чашкой кофе в руке, выплыла в коридор и залезла рукой в глубокую сумку. Компактный блокнот всегда прятался у стенок, но в этот раз его не было. Точно не было. «Забыла!» – надула она губы и несколько секунд перебирала в уме возможные варианты следующих действий.

Устроившись в позе лотоса на кухонной табуретке, она взяла диктофон и включила аудиозапись с художником. Работать стенографистом – не лучшее занятие, но записать диалог с Валентином Евграфовичем теперь необходимо. А блокнот ладно, новый купить да и всё. Высунув кончик язы-

ка она стремительно набирала текст, следуя за беседой, но вдруг запись оборвала собеседника на полуслове. Сева схватила диктофон и снова нажала «плэй». Всё повторилось. Диалог не записан до конца. Нет! Даже до середины не записан. «Чертово интервью! Так и знала, что-то пойдет не так!» – в сердцах крикнула она и постаралась понять почему так произошло. Память. На этих дурацких устройствах всё время не хватает памяти. Увлелась разговором с художником и не заметила короткий тихий щелчок остановки записи. «Севааааа! – взмолилась она сама себе, – И что, что теперь?». Ответ понятен. Ехать к Валентину Евграфовичу если не за повторной беседой, так хотя бы за блокнотом. К счастью, сумерки еще не полностью окутали город. Она быстро надела первое, что попало под руку, это оказались легкие летние кроссовки-сеточкой, зеленая широкая толстовка, серые спортивные брюки, и решительно шагнула за порог. моросил мерзкий осенний дождь. Выплюнув себя из квартиры, девушка добежала до машины под капюшоном кофты и поехала через весь город к художнику.

В уютном дворике с приходом осени затухал маленький сад. Ещё цвели хризантемы, но скоро и они уйдут в зиму. Сева набрала номер квартиры на домофоне, надеясь что художник не рассердится. Тишина. Будет очень плохо, если Валентин Евграфович ушел. Девушка попятилась, отходя от двери подальше, взглянуть на окно, и спиной врезалась в неза-

метно подкравшуюся полную женщину. Столкновение оказалось мягким. Сева бросилась извиняться. Пострадавшая оказалась вежливой дамой и, к тому же, обитала в соседней с мастерской художника комнате. Она узнала журналистку и, дружелюбно рассказывая о местном чудаковатом бомонде, пропустила её в подъезд, а потом и в квартиру.

– Веня! – громко крикнула из коридора женщина, – Валя уходил куда?

– Нет! – так же оглушительно прозвучал ответ.

Поблагодарив добрых соседей художника, Северина тихонько постучала в крепкую дверь мастерской. Внутри слышалось тихое завывание, похоже на скулёж. Ответа не последовало. Сева постучала сильнее. От напора женских кулачков девушки, которой завтра сдавать редактору статью, дверь подалась внутрь. Не заперто. Она осторожно просунула голову внутрь. На полу мастерской валялись листы бумаги, разбитая банка с кисточками. Стулья, на которых они с художником сидели днём, были перевернуты.

– Валентин Евграфович, – с беспокойством позвала Сева и зашла внутрь.

Дверь за ней звонко захлопнулась. Девушка испуганно обернулась и обнаружила, что внутри нет ручки. Но ведь была! Художник, когда её выпроваживал, сам распахивал перед ней дверь. Она провела ладонью по шершавой поверхности и толкнула. Нет, конечно, дверь открывается в одну сторону. Пытаясь понять, что же здесь произошло, девушка

настороженно оглядела комнату. Тонкая сетчатая ткань летних кроссовок пропустила несвойственный для отапливаемого помещения сквозняк. Сева аккуратно отодвинула ногой крупные осколки прозрачного стекла, чтобы ненароком не наступить и, продолжая звать Валентина Евграфовича, медленно пошла к большому шкафу, что занимал половину комнаты по ширине и как бы делил пространство на две почти равных части по длине.

«О!» – воскликнула она и подняла свой зелененький блокнот на пружинке, что валялся придавленный старинным стулом. Обнаженная при наклоне поясница оказалась уязвимой для холодного сквозняка. Выпрямившись и одёрнув кофту, боковым зрением она увидела ужасную, пробирающую до мурашек, картину. Таковую, наверное, и выставлять никуда нельзя. «В мире явно не хватает ужасов, раз такие картины пользуются спросом» – девушка скривила милое личико в отвращении. Черный сгоревший дом, вид изнутри. Все предметы быта остались на местах, люди – тоже. Внимательно вглядываясь в детали, Сева сморщила нос, стараясь обуздать воображение. В сгоревшей комнате деревянная мебель не рассыпалась и продолжила служить своим уже мертвым хозяевам. Которые, кстати, тоже были обуглены. Жуткое зрелище. Казалось, она начинает слышать, как с той стороны холста трещит огонь снаружи дома. Даже сделалось теплее и появился запах едкой гари. «И зачем я это смотрю?» – подумала девушка и тряхнула головой, стараясь отогнать такое

реальное наваждение. Но только она отвернулась, как из-за шкафа дунул морозный поток воздуха.

– Валентин Евграфович, – со страхом, прислушиваясь к каждому шороху, прошептала Сева.

Мягко ступая, чтобы не помять рассыпанные по полу листы бумаги, она наконец-то дошла до пространства за шкафом. И едва Сева оказалась в другой части комнаты, как подул такой резкий и холодный ветер, что пришлось закрыть глаза рукой. Пахло зимой. Сбивающий с ног поток воздуха исчез так же быстро, как появился. Сзади, как птичьи крылья, шелестела бумага для набросков. Сева замерла, зачарованная зрелищем.

Перед её глазами, не просто вопреки, а наплевав и растоптав все возможные законы физики, логики и в целом реальности, открылся замерзший океан. Ледяное пространство, чарующе прекрасное и мертвенно холодное, устремлялось до бесконечности вдаль, насколько возможно было рассмотреть через нарисованные в стене очертания двери. Сева натянула капюшон и подошла ближе. Провела рукой по неокрашенной поверхности стены с начерченным углём контуром. Нарисовано. Но едва ладошка дошла до ледяной пустыни, стало по-настоящему холодно и рука провалилась в это (виртуальное?) пространство. В носу защипало от мороза, а пальцы замерзли. Вблизи воздух оказался не таким свежим. От странного пространства, как от обычной картины веяло масляными красками и разбавителем. Не настолько сильно, как

в мастерской, но ощутимо.

Северина засунула руки подмышки и высунула голову наружу. Или внутрь? Угол обзора стал больше и она заметила справа, метрах в пятистах, может больше, огромный лайнер. Судно отбрасывало гигантскую тень на прозрачный лёд с толстыми белыми прожилками. «Да ну нафиг» – потрясённо подумала Северина и решительно вернулась к двери в комнату художника. Ручки так и не было. Она огляделась и нашла крупный мастихин. Между стеной и дверью он вошел легко, но толку мало. Тонкий металл гнулся и совершенно не помогал выбраться наружу. Девушка позвала на помощь, но с той стороны тоже было глухо.

«Ну что, похоже, Валентин Евграфович где-то там» – подумала она и обречённо скривилась. Плотно зажав руки подмышками, девушка решительно вернулась к нарисованной двери. Она протянула ногу вперед и пяткой постучала по льду. Крепкий. Хотелось зацепиться за стену, чтобы не провалиться при первом шаге, но стена оказалась не толще картона. Едва девушка попыталась схватиться за нее и использовать как опору, та податливо прогнулась. С тяжелым вздохом, Сева ступила на лёд одной ногой. Второй. Устойчиво. Осторожно, мелкими шажками посеменила в сторону лайнера. Огромный корабль вморожен в океан, будто его застали врасплох. Холодный металл мертво блестел, хотя небо затянуто тучами. У широкого корпуса стояла маленькая машина, теряющаяся на его фоне. И она, в отличие от лайнера, не

была заледеневшей. Шоркая ногами по толстому льду, Сева прибавила шаг, приловчившись не шагать, а скользить. Стало теплее и она освободила руки из подмышек для балансировки. В огромной тени лайнера автомобиль выглядел прозрачной иллюзией. Подойдя ближе, Сева увидела, что внутри кто-то есть. Быстрее. Ещё быстрее. Несколько раз едва не упала на травмоопасный лёд, но всё-таки добралась до малиновой девятки. Натянув рукава на промерзшие пальцы, она постучала в покрытое инеем окно. Подышала на стекло, убрала оттаявшую наледь и через маленький круглый просвет внутрь увидела Валентина Евграфовича. Точно он! Зажав пальцами край рукава она с трудом надавила на механизм ручки и открыла дверцу.

Человек – существо впечатлительное, с хлипкой нервной системой. Едва Северина распахнула переднюю дверь автомобиля и увидела заледеневший труп художника, у которого буквально ещё днём брала интервью, она, ни секунды не размышляя, помчалась назад. Только этого «назад» больше не существовало. Поскальзываясь на толстом льду, падая и больно ударяясь, девушка пробежала намного больше, чем шла до автомобиля. Она кричала, панически звала на помощь. Текли слёзы, из-за которых лицо тут же окутывала тонкая корка льда. А перед глазами стояло застывший, посиневший Валентин Евграфович с покрывшейся инеем бородой. В тёплой куртке с меховым воротом, но заморожен-

ный насмерть. Ледяная скульптура, а не человек. Вскоре это произойдет и с ней. Ждать помощи неоткуда. Во все стороны только бесконечный лёд.

Растрепавшиеся волосы превратились в острые ледышки и при беге хлестали по лицу. «Надо было забрать его куртку» – подумала девушка, понимая, что промерзает до костей. Она остановилась и посмотрела на свои, потерявшие чувствительность пальцы. Ногти почти потемнели. Ноги ныли, суставы крутило, а в голове то и дело вспыхивали пустые обледеневшие глазницы художника. «Он был без очков!» – подумала Сева и тут же со слезами рассмеялась. И что? Ей говорили, что журналист должен подмечать все возможные детали. Это же говорил Валентин Евграфович про художников. И из-за увлеченности беседой о схожести их профессий она забыла блокнот, не заметила, как в диктофоне остановилась запись. «Художник должен уметь видеть частности, но одновременно с этим и картину в целом» – отдалось эхом в голове. Зародилась какая-то смутная надежда, что она что-то упускает и всё это не взаправду. Но синие несгибающиеся пальцы, которые не могли удержать край рукава, говорили об обратном. Свернуться калачиком и умереть. Она опустила на колени и бессмысленно всмотрелась в глубину льда. Боже! Лучше бы смотрела на бескрайний горизонт. Там нет людей, посиневшие, оплывшие лица которых она увидела через толщу льда. Наверное, бедняги с лайнера прыгали в воду, пытались спастись, да так и остались вмороженными намертво.

Ладонь кольнуло и Северина резко подняла руку. В ту часть, что ещё могла чувствовать боль, впиалась маленькая острая ледышка. Не больше пары сантиметров в длину, плоская. Она попробовала взять её пальцами, но руки не слушались и ледяной колышек упал. Почему-то льдинка показалась ей важной. Впиваясь человеческим теплом в замерзшую поверхность, она наклонилась всем телом и рассмотрела находку. Это было замороженное тыквенное семечко. Откуда?! Откуда оно здесь? Следуя логике и здравому смыслу, крупитцы которого еще остались в голове Северины, она поняла, что тут кто-то проходил. Кто-то живой! Опираясь на ладони, которые уже совершенно не чувствовали холода, Сева посмотрела вперед. Дальше, через каждые сантиметров десять, лежали точно такие же белые семечки. Девушка подалась за рукой вперед и растянулась на холодном льду. Острые льдинки впились в живот сквозь мягкую ткань толстовки. Живое! Туловище ещё живое! Она с трудом поднялась на ноги. Наклонившись как можно ближе к коленям, чтобы сохранить тепло, она в полусогнутом состоянии побрела по следам тыквенных зернышек. Всё вокруг перестало существовать. В голове пульсировала надежда. Сева перестала понимать как она идет, как дышит. Звуки её шагов растворились. Среди этого отсутствия ощущений внезапно заработало обоняние. Она уловила знакомый запах масляных красок и разбавителя. Не в силах поднять голову, она продолжила идти вперед, следуя за мерзлыми ледыш-

ками тыквенных семечек. Через какое-то, уже совершенно неопределимое Севериной время, она остановилась. Вернее, шаги девушка делала, но никуда не двигалась. Что-то мешало. Какая-то странность не пускала вперёд.

Ледяная поверхность перед глазами оставалась неизменной. Ей показалось, что если она хоть немного повернется, то обязательно сломает шею. Мороз добрался до самых костей. И всё же, Сева подняла голову и увидела перед собой девушку с волосами-сосульками, синим цветом кожи, точно таким же как у трупа Валентина Евграфовича, и с ужасом в застывших глазах. Покрытые инеем редкие брови, задеревеневшее лицо и трясущаяся челюсть уже не имели ничего общего с той юной журналисткой, которой она была сегодня утром. Из последних сил она подняла руку и прикоснулась к гладкой поверхности. Провела ладонью к краю. Толщина зеркала оказалась не больше плотного картона, но острая. Поперек всей ладони появился глубокий крупный порез и проступили красные, почти бурые капельки крови. Сева удивлённо посмотрела на посиневшую руку. Никаких ощущений, никакой боли. Наверное, так чувствуют себя люди, которые скоро умрут. В красных капельках жило тепло. Она провела ладонью по щеке, размазывая кровь по лицу. «Откуда тут зеркало? Откуда это чертово зеркало?!» – пыталась кричать девушка, но вместо вразумительных звуков сквозь слипшиеся обледеневшие губы прорывался только сдавленный хрип умирающего человека. Она упала на колени, но, не удержав-

шись даже на них, повалилась на бок. Всмотриваясь в своё измазанное кровью лицо, Сева подумала «надо было стать поваром», потянулась посиневшим пальцем к отражению и закрыла глаза.

– Валентин, – в мастерскую постучали.

Невысокого роста седовласый художник почти завершил картину. Он посмотрел на измазанные синим руки, схватил тряпку и вытер с них краску.

– Ты закончил, Валентин? – осторожно уточнил голос из коридора.

– Да! Почти! – крикнул художник и поправил очки, сползающие на нос.

Скрипнула дверь и в комнату вошёл статный мужчина в черном пальто до колена. Медленно, с видом знатока начиная рассматривать картину издалека, он подошел к холсту со свежими, зловеще блестящими мазками.

На картине посреди обледеневшего океана лежала замороженная насмерть девушка. Её пышные когда-то волосы превратились в острые сосульки. Она смотрела вперед, прямо на зрителя пустым, но полным надежды взглядом. Художник выдавил пару капель красной масляной краски на палец и ловким движением добавил кровавые полосы на её лице.

– Руку об зеркало порезала в последний момент, – объяснил он.

Гость кивнул и засунул руки в карманы пальто.

– Холодно у тебя тут, – он достал перчатки и медленно надел их, – через неделю выставлю картину на аукцион... Закрываю? – он мотнул головой в сторону очерченного черным углем контура двери, где словно в тумане ещё виднелся контур обледеневшей девушки с картины. Художник кивнул и поблагодарил за помощь.

– Всё хотел спросить, – поднимая облокоченную на шкаф высокую доску и закрывая проход, задал вопрос гость, – как они возвращаются к двери?

Вместо ответа Валентин Евграфович потянулся к небольшой тумбочке и достал целлофановый пакет с белыми тыквенными семечками.

Гость одобрительно кивнул.

– Начну аукцион со ста тысяч долларов, – он пошел к выходу, – как думаешь, её жизнь этого стоит?

Художник махнул и открыл дверь, выпуская визитёра.

– Завтра придут сантехники смотреть радиаторы, – уже в коридоре сказал мужчина, – надеюсь, следующая картина будет не хуже сегодняшней.